
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О СИРОТСТВЕ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ СОЦИАЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ?

М.С. Астоянц

В статье проанализирован политический дискурс о сиротстве за период с 20-х годов XX века до наших дней; выделены как типы дискурса, ведущие к социальной эксклюзии детей-сирот, так и способствующие их социальной интеграции. Весьма устойчивым оказался дискурс социальной опасности, рассматривающий детей-сирот как угрозу стабильности и правопорядку в обществе. В качестве позитивных с точки зрения интеграции детей-сирот в общество в разное время определены дискурсы социальной полезности, социального единения и социального партнерства. Автор заключает, что наиболее перспективным для современной России является дискурс социального партнерства, инициирующий развитие институтов гражданского общества в процессе решения конкретной социальной проблемы (детского сиротства).

Ключевые слова: социальное исключение (эксклюзия), социальная интеграция, дети-сироты, политический дискурс

В современной России среди множества острых социальных проблем детское сиротство – едва ли не самая наболевшая. Эту проблему постоянно обсуждают и простые граждане, и политики самого высокого уровня, ее не обходят вниманием средства массовой информации. Но само сиротство, как социальный феномен, появилось не сегодня, оно существовало и, вероятно, будет существовать всегда. Вот только отношение к нему в обществе не всегда было одинаковым.

Социальные проблемы (в частности, проблема сиротства) не существуют независимо от нас, а являются результатом коллективного определения. От того, каким образом определяется проблема сиротства, будет в значительной степени зависеть выбор стратегии общества в целом по отношению

к этой социальной группе: стремлению к интеграции в общество, или, напротив, к социальному исключению¹.

Особая роль в упорядочении и производстве социальной реальности отводится языку. Как утверждают П. Бергер и Т. Лукман [Бергер, Лукман, 1995. С. 65], «общие объективации повседневной жизни поддерживаются главным образом с помощью лингвистических обозначений. Кроме того, повседневная жизнь – это жизнь, которую я разделяю с другими посредством языка. Понимание языка существенно для понимания реальности повседневной жизни». Поэтому адекватным методом исследования нам представляется анализ дискурсов о сиротах и сиротстве. Дискурсивный подход предлагает нам «трактовать дискурсы как практику, которая систематически формирует объекты, о которых они [дискурсы] говорят» [Фуко, 1996. С. 49–50]. В нашем случае исключение или интеграция будут следствием определенных знаний, распространяемых через тексты, разговоры людей между собой.

Из множества существующих подходов мы предпочли критический дискурс-анализ Нормана Фэркло, поскольку именно он акцентирован на исследовании изменений и не только придает большое значение активной роли дискурса в социальном конструировании мира, но и учитывает, что сам дискурс является продуктом иных недискурсивных практик [Филлипс, Йоргенсен, 2004. С. 21–24].

Известно, что содержание и значимость тех или иных фактов в значительной степени зависит от того, в рамках какой дискурсивной системы они рассматриваются. Каждый тип дискурса основан на специфической иерархической системе суждений, которая наполнена определенным семантическим содержанием [Социология... 2003. С. 288–289]. Политический (властный) дискурс строится как диалогическое противопоставление «своей» (правильной) и «чужой» (ошибочной) точек зрения, причем в условиях тоталитарного государства любое высказывание дискурса власти наделяется статусом абсолютной истинности, а инакомыслие трактуется как ошибочное мнение или сознательная ложь. Однако политический дискурс неоднороден, в нем можно выделить несколько устойчивых типов, которые, если следовать тезаурусу Н. Фэркло, в совокупности составляют порядок дискурса. Эти типы могут меняться во времени, но некоторые из них могут оказаться достаточно стабильными.

При анализе мы отметили, что в каждом из дискурсов дети-сироты являются действующим лицом, представляющим собирательный тип (образ) с определенными характеристиками. Этот тип получает определенное наименование, выраженное семантически в текстах, что очень важно, поскольку процедура названия составляет основу любого высказывания.

¹ Под социальным исключением мы будем понимать многомерный кумулятивный процесс, нарушающий социальные связи индивидов или групп и препятствующий их участию в жизни общества и состоянию отверженности индивидов или групп, возникающее вследствие этого процесса.

Формируются разные представления о том, что это за образ и какими поведенческими характеристиками он обладает и, соответственно, различные его наименования. Этот образ по разному представляет нам сущность проблемы сиротства и предлагает разные меры по ее разрешению. Каждый тип дискурса по-своему определяет те действия, которые следует предпринимать в решении проблемы сиротства. И эти действия могут способствовать интеграции детей-сирот в общество, или, напротив, приводить к социальному исключению.

Исследуя дискурсы о сиротстве в кризисные периоды развития российского общества в XX–XXI веках, в качестве отправных точек для определения таких периодов мы выделили те три, которые традиционно считаются наиболее тяжелыми для России и которые всегда упоминаются в литературе и дискуссиях по проблемам социальной политики как периоды всплеска сиротства. Это октябрьская революция и гражданская война, Великая отечественная война, перестройка и постперестроечный период. Для анализа использовались материалы Государственного архива Ростовской области и СМИ (газетные публикации и радиопередачи). Обращение к разным источникам текстов обусловлено их доступностью и целями авторского исследования.

1. Политический дискурс о сиротстве: 1920–1926 годы

Для изучения политического дискурса о сиротстве 1920–1926 годов были проанализированы материалы четырех фондов Государственного архива Ростовской области (ГАРО) по этой тематике (сплошная выборка фондов архива по изучаемой проблеме), общим объемом 4 224 ед. хранения. Для того чтобы можно было проводить анализ документов, мы их систематизировали и хранили в базе данных. Каждый документ в базе данных кодировался в соответствии с несколькими категориями: порядковый номер документа в таблице; архивные данные (фонд, описание, дело, лист); дата создания документа; категории, определяющие образ ребенка-сироты (детей-сирот); категории, определяющие поведенческие характеристики ребенка-сироты (детей-сирот); предлагаемые автором способы решения проблемы сиротства; тип дискурса. Всего за указанный период проанализирован 81 документ.

В период 1920–1926 годов мы выделили четыре устойчивых типа политических дискурсов: социальной опасности, социального участия, социальной ответственности и социальной полезности, им соответствует определенная позиция: от исключения до интеграции детей-сирот в общество.

1.1. Дискурс социальной опасности (исключение и отчуждение)

Наибольшая степень отчуждения характерна для тех типов дискурса, которые представляют детей-сирот несущими опасность для остального общества. Эта опасность может осознаваться как криминальная (рост преступности, правонарушений), или как эпидемическая и гигиеническая (рост

заболеваемости, грязь, хаос). Следствием дискурсивного подчеркивания чуждости будет социальное исключение вплоть до физической изоляции.

«Чуждый, преступный элемент». Данный тип дискурса подчеркивает криминальное прошлое и настоящее детей-сирот. Для их определения используются такие характерные словосочетания, как «бродячий элемент», «малолетние преступники», «преступный элемент», «лица, имеющие уголовное прошлое»¹. Разумеется, они чужды большинству общества, которое строит коммунизм, поскольку «увеличивают преступный контингент и количество хищений», «втягиваются в цепкие руки спекулянтов и преступных элементов», «получают свое пропитание исключительно от правонарушений, рост которых увеличивается», «среди них развивается хулиганство, воровство и другие безобразия», а порой они «наносит побои начальнику охраны»².

По отношению к такому враждебному элементу нужно быть достаточно жесткими, чтобы не допустить распространения и роста преступности, пресекать излишнюю мягкость по отношению к ним. Предлагается применять самые строгие меры: «наказывать народными судами», «задерживать, направлять в распоряжение детских инспекторов», «бороться, присылать охрану, наблюдать, привлекать к ответственности», «изолировать, держать под замком»³.

Если дети-сироты рассматриваются как преступный элемент, то они естественным образом попадают в одну категорию с прочими нарушителями правопорядка. Возраст здесь уже не имеет значения, все оказываются «в одной лодке» – и беспризорные дети, и взрослые бродяги. В официальных документах все те, кто не относится к «своим» попадают в категорию «чужие» и часто объединяются общим понятием «элемент».

Такое слияние в одну категорию «элемент» (позже ее назовут «классово чуждый элемент») можно наблюдать в тексте протокола № 17 заседания МСК Ростовского линотдела⁴ от 10 августа 1923 года: «По вопросу об освобождении вокзала и привокзальной площади от преступного элемента и беспризорных детей считать МСК линейного отдела бессильной, так как все попытки освободить вокзал не привели ни к чему. Проститутки, воры, сутенеры, беспризорные дети, направляемые нашими агентами в 5-й милицейский участок оттуда освобождаются снова и появляются на вокзале. Необходимо ... войти в переговоры с ДИКом⁵ об изъятии этого элемента со станции Ростов»⁶.

¹ ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 581. Л. 29; Ф. 1817. Оп. 2. Д. 84. Л. 3; Ф. 97. Оп. 1. Д. 581. Л. 210; Ф. 1817. Оп. 1. Д. 75. Л. 105.

² ГАРО. Ф. 1817. Оп. 1. Д. 75. Л. 105; Ф. 97. Оп. 1. Д. 581. Л. 48; Ф. 1817. Оп. 1. Д. 74. Л. 13–14; Ф. 1798. Оп. 1. Д. 295. Л. 20; Ф. 97. Оп. 1. Д. 581. Л. 36.

³ ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 581. Л. 29, 48, 36; Ф. 1817. Оп. 1. Д. 75. Л. 105.

⁴ Линейный отдел железнодорожной милиции.

⁵ ДИК, он же Донисполком – Исполнительный комитет донского областного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

⁶ ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 581. Л. 210.

«Угроза для общества (грязь, эпидемии, хаос)». Угроза ощущается уже в самих понятийных, семантических характеристиках, которыми наделяются в данном типе дискурса дети-сироты. О них пишут как о «детском потоке», «беспризорной массе», «бездомных и бесприютных массах»¹.

Трудно представить, что речь здесь идет о детях, скорее о какой-то серой массе, которая не имеет человеческого лица. Она безлика, но опасна, как стихийное бедствие. Ее происхождение скорее природное, чем социальное. При этом происходит «массовый наплыв», их «движение становится катастрофическим, угрожает городу», «холода увеличили массы, которые прибавляются»². Так и кажется, что эта «масса» хлынет, заполняя собой все вокруг.

Являясь источником заразы, эти массы «представляют опасность как разносчик эпидемии», они «превратили вокзал в ночлежку, служат постоянной эпидемической угрозой», «концентрируются в железнодорожных вокзалах, неорганизованно передвигаются без адресата, вызывают загрязнение вокзалов, грозят развитием эпидзаболеваний». По-видимому, особенно страдают от них железные дороги, поскольку помимо загрязнения вокзалов беспризорные еще «вызывают загрязнение подвижного состава» и даже «обсеменение эпидзаболеваниями железнодорожных путей»³.

Что предлагается предпринять в отношении этих масс, которые воспринимаются как враждебная стихия? «Недопустить», «принять меры», «остановить», «очищать вокзал и улицы», «отправлять», «сплавить в г. Новочеркасск» (мера, которая должна была, по мнению предлагавших ее чиновников Донпоследгола⁴, очистить улицы и вокзалы г. Ростова за счет отправки беспризорников в г. Новочеркасск), «освободить вокзал и изъять со станции», «прекратить неорганизованные перевозки, строго следить за недопущением самовольного передвижения»⁵.

Наряду с требованием применения почти военных мер (ведется борьба с врагом!), можно заметить некую растерянность. Предлагая «не пущать», официальные лица понимают, что вряд ли возможно остановить стихийное бедствие, да и не всегда ясно, что именно и кто должен делать.

Дискурсы, рассматривающие детей-сирот как криминальную и эпидемическую угрозу, часто переплетаются и взаимно дополняют аргументацию последующих мер исключения и отчуждения.

¹ ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 1013. Л. 6; Ф. 97. Оп. 1. Д. 581. Л. 14–20; Ф. 1817. Оп. 1. Д. 75. Л. 105.

² ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 1013. Л. 7; Ф. 97. Оп. 1. Д. 1013. Л. 6; Ф. 97. Оп. 1. Д. 581. Л. 14–20.

³ ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 581. Л. 210, 207; Ф. 1798. Оп. 1. Д. 237. Л. 32.

⁴ Донпоследгол – Донской комитет по борьбе с последствиями голода.

⁵ ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 1013. Л. 7, 6; Ф. 97. Оп. 1. Д. 581. Л. 14–20, 210; Ф. 1798. Оп. 1. Д. 237. Л. 32.

1.2. Дискурс социального участия (признание ущербности и жалость): «Несчастливые дети – больные и голодные»

Это шаг по направлению к социальной интеграции, когда детские проблемы оказываются в центре внимания. Однако акцент здесь делается на социальной недостаточности, физической или моральной ущербности детей. Тяжелая ситуация, в которой они оказались, вызывает чувство жалости, но далеко не всегда подкрепляется конкретными мерами по решению проблемы сиротства. Понятийные характеристики, употребляемые этим типом дискурса для описания детей-сирот, уже сами по себе вызывают жалость. Дети изображаются как «беспризорные, голодные и оставленные без крова», «раздетые», «босые, больные, голые», «дефективные»¹. Это дети, которые «лишились родителей, кочуют под открытым небом или в зловонных подвалах, заражаются туберкулезом». Их «ноги опухли и покрыты ранами, питание не достигает норм детского пайка, спят на полу, на соломе, по четверо на одной кровати», «замерзают»².

Дети оказываются в удручающем положении не только на улице, но и в детских домах. На заседании комиссии по борьбе с детской беспризорностью от 18 февраля 1923 года был зачитан отчет об обследовании Бежгородка для беспризорников, размещенного в здании бывшего кафе-шантана «Марс»: «Дети разного возраста, 888 человек, совершенно раздетые, босые, спят на голых нарах даже без соломы. 50 % больны чесоткой, купаются в ванне, откуда босиком и голые следуют по цементному полу, покрытому снегом»³.

Предлагаемые авторами этого типа дискурса меры не слишком разнообразны. Создается впечатление, что он инициирует лишь действия по удовлетворению первичных потребностей детей. Детей нужно «лечить», «воспретить торговлю ими», «помогать, содействовать, улучшать жизнь»⁴. Однако далеко не всегда понятно, как такие меры могут кардинально улучшить жизнь детей.

1.3. Дискурс социальной ответственности (дети-сироты как объект оказания помощи): «Источник множества проблем и затрат»

Этот тип дискурса можно рассматривать как еще один шаг в сторону по направлению к социальному включению детей-сирот. На место отторжения и обвинения приходит осознание необходимости оказания помощи. Однако ребенок воспринимается не как активный, действующий субъект, а как объект социальной помощи. В рамках этого типа дискурса дети-сироты опреде-

¹ ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 427. Л. 25; Ф. 1817. Оп. 2. Д. 84. Л. 23, 3.

² ГАРО. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 237. Л. 109, 137.

³ ГАРО. Ф. 1817. Оп. 2. Д. 84. Л. 24.

⁴ ГАРО. Ф. 1817. Оп. 2. Д. 84. Л. 30; Ф. 97. Оп. 1. Д. 581. Л. 203; Ф. 1798. Оп. 1. Д. 237. Л. 109.

ляются как оказавшиеся в сложной ситуации «беспризорные дети», «дети, покинувшие родные места», «беспризорники», «необслуженные дети»¹.

О самих детях известно очень мало, поскольку они не являются активным субъектом в данном типе дискурса. Все действия совершаются здесь не детьми, а взрослыми по отношению к детям: их «вылавливают, направляют, не принимают», или, напротив, осуществляют «прием детей», «подбирают с улиц»². О детях говорят как об объекте того или иного взрослого воздействия. Это деловой и официальный язык функционеров, которые принимают решения, касающиеся государственной задачи – борьбы с беспризорностью, которая порой переходит в борьбу с самими беспризорными. При практически полном отсутствии детской активности, здесь сохраняется единственный актор – взрослый, который озабочен организационной и финансовой стороной работы с беспризорниками. Меры, предлагаемые данным типом дискурса, весьма разнообразны. Сюда входят действия запретительно-ограничительного характера: «отправлять, воспрепятствовать въезду», «эвакуировать», «прекратить присылку, вывезти», «изъять, разбросать по детским домам»³.

Особенно волнует чиновников приток в Донскую область беспризорных из других регионов страны. К примеру, в телеграмме Донисполкома от 26 января 1920 года Саратовскому и Воронежскому губисполкомам «Донисполком просит принять меры к недопущению массового наплыва детей-беженцев в Донскую область»⁴. Дескать, и со своими беспризорными проблем хватает, а тут еще чужих приходится обслуживать! И эти «чужие» действительно добавляли работы донским чиновникам. В докладной записке «О состоянии детской беспризорности в Донском округе» уже от 3 ноября 1925 года говорится: «... с ноября 1923 года по 15 сентября 1925 года подобрано 8 989 беспризорных. Донокруг дает незначительный процент, а подавляющее большинство детей являются уроженцами других губерний СССР. Из числа 8 989 беспризорных уроженцев Донского округа – 11 %, Северокавказского края – 21 %, разных губерний СССР – 62,6 %, неизвестных – 5,4 %»⁵.

Предлагается координировать работу с детьми – «дежурить на вокзалах, подбирать детей», «перебрасывать, вывозить, принимать, направлять, переселять по месту жительства, подбирать, обслуживать»⁶. Важная роль в решении проблемы беспризорников отводится детским домам, коммунальным и другим подобным учреждениям. В качестве мер называют «выделение

¹ ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 581. Л. 20; Ф. 97. Оп. 1. Д. 1013. Л. 6; Ф. 97. Оп. 1. Д. 427. Л. 43, 67.

² ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 581. Л. 176; Ф. 1798. Оп. 1. Д. 237. Л. 20.

³ ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 87. Л. 21; Д. 581. Л. 82; Ф. 1817. Оп. 2. Д. 84. Л. 29, 30.

⁴ ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 1013. Л. 7.

⁵ ГАРО. Ф. 1817. Оп. 1. Д. 74. Л. 13–14.

⁶ ГАРО. Ф. 1817. Оп. 2. Д. 84. Л. 21, 30.

помещений, открытие и ремонт учреждений», предлагается «расширять сеть детских домов», «приобретать средства для детских домов», «прекратить организацию новых детских домов, улучшать существующие, разгрузить детские дома», «усилить работу опеки, деткомиссии, организовать питательный пункт, привлечь общественную помощь»¹.

Высказывается постоянная озабоченность финансированием мероприятий по борьбе с беспризорностью. Необходимо «давать средства для борьбы с беспризорностью», «выделять средства», «ассигновать, распределять деньги», «изыскать средства», «получать средства»². «Денежный вопрос» поднимается почти во всех документах, которые мы отнесли к данному типу дискурса. И решается он далеко не всегда в пользу детей. Так ДОНО телеграммой от 8 февраля 1923 года просит президиум ВЦИК «оставить в Ростове и закрепить за ДОНО все средства, полученные по постановлению ВЦИК «О дополнительном обложении торговых и промышленных предприятий»³. Однако, как выясняется, эти «денежные средства идут на центральные расходы ЦК Последгол и ВЦИК по заграничным организациям ... поэтому согласиться на оставление в Донобласти денежных поступлений ЦК Последгол не может. Правительство и местные органы власти не в состоянии выделять вполне достаточные средства для покрытия всей детской нужды»⁴. Интересно, что в то же самое время в официальных документах Последгол был метко назван «мощным золотовыкачивающим аппаратом» (например, из отчета Донпоследгола за декабрь 1922 года мы узнаем, что его доходы от лотереи Лотто, ресторанов, бильярдных, добровольных пожертвований учреждений, пожертвований от лекций, новогодних подарков и прочего составили 7.562.533 рублей⁵).

Вероятно, дискурс, определяющий детей-сирот как объект социальной помощи способствовал более эффективному решению проблем сиротства, однако сами дети оставались лишь объектом внешнего воздействия.

1.4. Дискурс социальной полезности (интеграция детей-сирот в общество): «Ресурс общества, будущие взрослые»

Этот тип дискурса рассматривает детей-сирот как социальный ресурс, будущих взрослых, которые могут и должны приносить пользу обществу. Оказание помощи детям рассматривается как своего рода социальная инвестиция в будущее развитие общества. Осознание социальной полезности способствует решению проблем сиротства посредством социальной интеграции и участия в жизни общества. Дети-сироты определяются как «мальчики,

¹ ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 87 л.; Ф. 1817. Оп. 2. Д. 84. Л. 29; Ф. 1798. Оп. 1. Д. 295. Л. 12.

² ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 427. Л. 43, 67; Ф. 1817. Оп. 1. Д. 74. Л. 13, 12, 14.

³ ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 427. Л. 45.

⁴ ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 427. Л. 46.

⁵ ГАРО. Ф. 97. Оп. Д. 581. Л. 21.

девочки, ребята», «переростки, дети, подростки». Однако для дискурса полезности характерно использование и таких характеристик детей, как «дети детдомов, воспитанники детдомов, безработные»¹.

Ведут они себя как самые обычные дети – «проходят обучение, посещают школу, получают профессиональную подготовку, заняты трудом, вырабатывают пролетарскую психологию». Они «поступают в детские дома, покидают детские дома, выходят в жизнь». Есть и проблемы: дети-сироты «не умеют использовать деньги рационально, плохо питаются, не умеют вести домашнее хозяйство»².

Предлагаемые меры по отношению к детям весьма многообразны и направлены не только на удовлетворение их витальных потребностей, но в первую очередь на успешную адаптацию детей в обществе. Практически все меры напрямую нацелены на то, чтобы из детей получились полезные члены общества. Поэтому в числе важнейших направлений выделяются такие, как, во-первых, трудовое и профессиональное обучение: предполагается «обучать ремеслу, давать квалификацию, организовывать работу и профессиональную подготовку», «охватить трудовым обучением, подготовить квалифицированную силу для предприятий», «организовать мастерские»³. Во-вторых, – трудовая деятельность: «организовать сельскохозяйственный труд, разместить по производствам как учеников», «вовлечь в трудовую жизнь», «определить в артели», «передать на биржу труда, посылать на работу»⁴. В-третьих, – воспитательная деятельность: «втягивать в ряды комсомола», «перевоспитывать»⁵. В-четвертых, – расширение альтернативных форм устройства детей-сирот: необходимо «организовать общежития для детей, не нуждающихся в детских домах», «передать на воспитание в семьи, родителям, родственникам», «вывести из детских домов и организовать трудовые коммуны»⁶. И, наконец, в пятых, – социальная адаптация: «дать необходимые для самостоятельной жизни навыки, подготовить к выходу в жизнь, организовать общежитие», «выдать обмундирование и денежное пособие»⁷.

Дискурс социальной полезности характеризуется высоким созидательным потенциалом. Он проявляется не только в заботе о бытовых условиях жизни ребенка, но и о его будущем, и о пользе общества в целом. Интересно, что замеченное нами изменение дискурса в сторону большего включения находит свое отражение в официальных документах и воспринимается как

¹ ГАРО. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 295. Л. 49; Ф. 1798. Оп. 1. Д. 342. Л. 7; Ф. 1817. Оп. 1. Д. 74. Л. 61.

² ГАРО. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 342. Л. 7; Ф. 1798. Оп. 1. Д. 295. Л. 49.

³ ГАРО. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 295. Л. 49; Ф. 1817. Оп. 1. Д. 74. Л. 61; Ф. 1817. Оп. 2. Д. 84. Л. 21.

⁴ ГАРО. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 295. Л. 49; Ф. 1817. Оп. 1. Д. 74. Л. 12, 61; Ф. 1798. Оп. 1. Д. 342. Л. 7.

⁵ ГАРО. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 295. Л. 49; Ф. 1817. Оп. 1. Д. 74. Л. 12.

⁶ ГАРО. Ф. 1817. Оп. 2. Д. 84. Л. 21; Ф. 1817. Оп. 1. Д. 74. Л. 61.

⁷ ГАРО. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 295. Л. 49; Ф. 1798. Оп. 1. Д. 342. Л. 7.

поворот к новому этапу решения проблем сиротства. В докладе инспектора РКИ об обследовании работы ДОНО в мае 1926 года читаем:

... Если начертить схему работ всех организаций, то получается, что Донктоп¹ имеет производственные предприятия и общежития. Детская комиссия имеет производственные предприятия, ночлежки и общежития. ДОНО имеет производственные предприятия и всякие учреждения по борьбе с беспризорностью. Таким образом, мы имеем параллелизм и по типу учреждений и по составу и по порядку. Нужно признать, что в 25–26 гг. требования к беспризорности должны быть совершенно иные, чем в 24–25 гг. Если до сих пор мы занимались исключительно изоляцией, а не подготовкой к самостоятельной жизни, то в 26 г. следует этот вопрос поставить. Если мы на профилактику обращали недостаточное внимание, то в 26 г. она встает на 1-е место².

Итак, в первой половине 20-х годов XX века нами выделено четыре устойчивых типа политического дискурса: социальной опасности, социального участия, социальной ответственности и социальной полезности. Каждый из них выражает определенное отношение к сиротам. Это, соответственно, полное исключение и отчуждение, признание ущерба и жалость, восприятие детей-сирот как объекта социальной помощи и, наконец, осознание социальной полезности.

В целом, послереволюционные годы характеризуются сильным отторжением и исключением сирот и максимум, вероятно, приходится на еще более ранние годы (к сожалению, отсутствие в ГА РО материалов 1917–1919 годов не позволяет нам проверить это). 1920–1922 годы характеризуются наиболее высокой степенью исключения, начиная с 1923 года отношение становится более вариативным, и к 1926 году возрастает «включающая» составляющая. Однако более ранние типы дискурсов не исчезают полностью, а лишь уступают часть своего влияния более позднему дискурсу социальной полезности. Необходимо отметить, что наибольшее внимание проблеме сиротства в официальных документах уделяется в 1923 году, когда происходит смена дискурса и, соответственно, отношения к детям-сиротам в сторону большего включения и принятия их как членов общества.

2. Дискурс социального единения: советский народ – одна семья, сироты – дети всего народа (1941–1945 годы)

Политический дискурс о сиротстве во время Великой Отечественной войны изучался нами по материалам газет военного времени (центральный орган Советов депутатов трудящихся СССР, газета «Известия» за

¹ Донктоп – Донская окружная комиссия детской трудовой общественной помощи при Донском полке.

² ГАРО. Ф. 1817. Оп. 1. Д. 161. Л. 128.

1942–1948 годы; центральная газета Ростовской области «Молот», 1944 год). Выбор СМИ в качестве источников связан с недоступностью и неполнотой архивных материалов интересующего нас исторического периода (за период оккупации г. Ростова-на-Дону архивные материалы ГА РО отсутствуют, а часть документов этого периода все еще закрыта для проведения исследований). Но в то же время использование газетного материала вполне может быть оправдано, поскольку средства массовой информации в тоталитарном обществе полностью воспроизводят дискурс власти и отражают установки господствующей идеологии. Всего проанализирована 41 газетная публикация.

В период Великой Отечественной войны мы смогли выделить лишь один тип дискурса власти о детях-сиротах, и поэтому данный период можно назвать монодискурсивным. Это неудивительно – еще с 1930-х годов в публичной риторике практически исключалась возможность идеологического и политического плюрализма [Зудин, 2002. С. 122–123]. Монодискурс военных лет мы можем характеризовать как *дискурс социального единения*.

Дискурс о детях-сиротах в годы Великой Отечественной войны являлся органичной частью широкого политического дискурса, призванного объединить советский народ в стремлении к победе над врагом. Дети-сироты в военный период обобщенно представлены во властном дискурсе как «наши дети», дети всего советского народа.

Определяются они в основном через характеристики родителей, а основной характеристикой родителей, в свою очередь, является их наиболее социально значимая роль – роль защитников Родины. Принадлежность детей-сирот к «своим», «родным», всему советскому народу подтверждается тем, что они «дети фронтовиков», «дети воинов Красной Армии» [Молот... 1944. № 69. С. 2], «сироты Отечественной войны», «дети славных защитников Родины» [Молот... 1944. № 79. С. 2], «дети, чьи отцы и матери, братья и сестры ведут борьбу на фронтах отечественной войны» [Известия... 1943. № 85. С. 3]. Подчеркивается, что родители этих детей погибли, сражаясь за Родину: «матери этих детей умерли, а отцы в Красной Армии», «мать зверски замучена немецкими оккупантами» [Молот... 1944. № 70. С. 2], «родители погибли от рук немецко-фашистских захватчиков» [Молот... 1944. № 79. С. 2], «родители одних погибли, другие – защищают родину» [Известия... 1943. № 141. С. 3], дети, «отцы которых погибли на фронтах отечественной войны» [Известия... 1943. № 237. С. 2]. То, что их родители – защитники Родины, дает им особый статус и особые права.

Но не только это роднит их с народом. Объединяют и общие страдания, пережитые ими наравне со всеми, испытания, через которые им пришлось пройти. Они пережили много горя: это «замученные дети», «вырванные из фашистского ада» [Известия... 1943. № 197. С. 2], «советские дети,

вырванные из рук фашистских варваров» [Известия... 1943. № 242. С. 3], «юные жертвы немецкой агрессии» [Известия... 1943. № 282. С. 3], и это горе понятно и знакомо каждому. С теплотой и, одновременно, болью за пережитые детьми страдания, пишутся портреты сирот военных лет. Так на страницах официальной газеты «Известия» появляется «сероглазый карапузик Алик», который «разучился улыбаться, ничего не рассказывал о себе и часто безутешно плакал, бросившись ничком на кровать»; девочка Маша, которая «относилась ко всему с полной безучастностью и не говорила ни слова», а «доступ в душевный мирок открыли ласка и игрушки» [Известия... 1943. № 197. С. 2].

Характеризуя сирот военных лет, официальные СМИ используют конкретные, понятные каждому образы, истории детей. В рассказах о пережитых детьми страданиях содержится и ответ на главный вопрос «что делать?»: «своим» детям и помогают всем миром. В статье «Возвращенное детство» собственным корреспондентом газеты «Известия» рассказана обычная история воспитанника детского дома Пети Калинина:

История, каких много. Отец на фронте. Мать угнали немцы. Деревню разбомбили и сожгли. Ребенок бродил по одичавшей деревне, питался отбросами. И первый, к кому он прижился, забившись в судорожных рыданиях, был человек в серой солдатской шинели. Дружная семья бойцов отогрела мальчика и отправила в детский дом... Петя Калинин пришел в детский дом для детей фронтовиков, который содержат на свои средства трудящиеся города Калинина [Кавская, 1943].

В этой логике, когда детей не делят на «своих» и «чужих», помощь детям-сиротам обретала глубокий родовой смысл: сберечь «наших» детей, пока их родители защищают нас. Сберечь их для будущей, мирной жизни. Именно для этого и нужны детские дома:

Защитники Родины, которые найдут в этом доме своих детей бодрыми, здоровыми, оправившимися после перенесенных мук, скажут сердечное спасибо и тем, кто создал детдом, и тем, кто любовью залечил тяжелые раны, нанесенные детям гитлеровским зверьем [Кавская, 1943].

Такая же идея ведет к усыновлению детей, поскольку они не «чужие», а «свои». В статье, подписанной Председателем Советов народных комиссаров Узбекской ССР А. Абдурахмановым, приводится пример патристического поступка 55-летнего кузнеца Ташкентской артели им. Тельмана Ахмет-ата Шамахмудова и его жены Бахи-она Акрамовой, которые взяли на воспитание семерых эвакуированных детей. Ахмет-ата так объясняет свой поступок:

У этих детей были родители, которые любили их и связывали с ними свои надежды и чаяния. В дни великих испытаний, выпавших на долю нашей страны, кто, как не мы, должны ласкать этих детей, заботиться о них. После окончания войны я с радостью возвращаю моих приемных сыно-

вей их родителям, если они найдутся. А если они доблестно пали в бою за дорогую Родину, я сам сумею поставить на ноги моих детей [Абдурахманов, 1943].

Во властном дискурсе военных лет не говорилось напрямую, что ослабленное войной государство не в состоянии нести заботу о сиротах в одиночку, без помощи общественности, но косвенно такие идеи в нем содержались. Забота о сиротах определялась как «патриотическое дело» [Абдурахманов, 1943], «повседневное дело советских патриотов» [Известия... 1944. № 84. С. 3], «святое, общенародное дело» [Известия... 1943. № 282. С. 3].

Примером презентации идеи «общей заботы» о сиротах может служить выдержка из письма комсомольцев и молодежи Советского Союза товарищу Сталину И.В. в день 25-летия ленинского комсомола [Известия... 1943. № 282. С. 3]:

Клянемся мы пролитой братьями кровью,
Что горе сирот нам не будет чужим,
Что лаской, приветом, заботой, любовью,
Мы их, как родная семья, окружим.

Озвученные в официальном дискурсе меры помощи детям сиротам разнообразны, и, что важно, формулируются не как «то, что предстоит сделать», а как «то, уже сделано и делается сейчас». Возможно, во многих случаях инициатива помощи детям на местах опережала инструкции власти. В то же время мотив заботы и поддержки не исключает важную роль труда в числе предлагаемых мер. Политическая задача остается прежней – «вырастить из них здоровых, культурных людей, преданных своей Родине советских граждан» [Известия... 1943. № 282. С. 3]. Можно выделить четыре способа решения проблемы сиротства.

Во-первых, обеспечение питанием, одеждой, предметами первой необходимости: «80 детей сирот за счет МОПРа¹ обеспечены полным питанием», «городские организации снабжают детей-сирот обувью, одеждой, продуктами питания» [Молот... 1944. № 79. С. 2], «партийная организация позаботилась о том, чтобы детский интернат имел свое подсобное хозяйство, а потому пища в интернате всегда вкусная и питательная» [Молот... 1944. № 84. С. 2], «активистки Красного Креста сами сшили для 60 подростков пальто, платье, белье» [Известия... 1945. № 86. С. 3], «обеспечить детей фронтовиков и эвакуированных одеждой и продуктами питания и организовать интернат» [Известия... 1943. № 171. С. 3], «молодежь района собирает посуду, инвентарь, мебель» [Известия... 1943. № 191. С. 3].

Во-вторых, устройство детей в семьи: «привлечение населения к приему детей-сирот на патронат и под опеку» [Молот... 1944. № 8. С. 2],

¹ МОПР – Международная организация помощи борцам революции.

«30 семей трудящихся принимают шефство над детьми, отцы которых погибли на фронте» [Известия... 1943. № 237. С. 3].

В-третьих, сбор денежных средств на содержание детских домов: «15 000 руб. выделено для оказания помощи детям славных защитников Родины» [Молот... 1944. № 79. С. 2], «детский дом будет содержаться на средства общественности... колхозники отчисляют трудовни, рабочие и служащие — однодневный и двухдневный заработок» [Известия... 1943. № 191. С. 3], «по инициативе коллектива Госбанка тысячи рабочих и служащих отчисляют средства на содержание детских домов» [Известия... 1943. № 197. С. 3], «в селе Шатки на средства колхозников открыт детский дом на 40 человек» [Известия... 1943. № 203. С. 2].

И, в-четвертых, трудовое обучение: «открываются мастерские, где ребята будут обучаться ремеслу» [Известия... 1943. № 20. С. 2], «следует всячески поощрять создание сельскохозяйственной базы при детских учреждениях... это дает возможность прививать воспитанникам трудовые навыки, развивать у них любовь к земле и сельскохозяйственному труду», «воспитать осиротевших детей, подготовить их к трудовой деятельности» [Известия... 1943. № 282. С. 3]., «содействовать организации и расширению детских домов при промышленных предприятиях, устройству всех ребят в детские дома, а подростков на производство» [Известия... 1946. № 23. С. 2].

Таким образом, властный дискурс о сиротстве военных лет можно охарактеризовать как дискурс социального единения, рассматривающий детей-сирот как «родных», «своих», детей всего советского народа. Помощь им озвучена как общезначимое, патриотическое дело, долг не только перед их родителями, но и перед Родиной. Многочисленные меры помощи предлагалось реализовывать всем группам общества, не рассчитывая только на государственную помощь. Конечной целью являлась подготовка детей к будущей мирной жизни как полноправных граждан страны Советов. Этот тип дискурса безусловно можно отнести к интегрирующим, способствовавшим быстрому преодолению социального исключения детей-сирот.

Однако логика, на которой был основан этот тип дискурса — заботливое отношение к детям как ответ на героизм и самопожертвование их родителей, оправдывавшая себя в период тяжких испытаний военных лет, — привела к печальным последствиям в период мирного времени. К концу 1946 года упоминания о сиротах в политическом дискурсе становятся все более редкими, а в 1948–1950 годах, когда среди контингента воспитанников детских домов все чаще появляются дети матерей-одиночек и родителей, отбывающих наказание в местах лишения свободы (следствие послевоенных репрессий), упоминания о сиротах и вовсе исчезают из официальных источников. Дети тех родителей, которые не соответствуют представлениям о советском человеке, не могут уже претендовать на внимание и заботу со стороны власти.

3. Три типа современного политического дискурса

Анализ современного политического дискурса осуществлялся по публикациям в СМИ материалов представителей властных структур различного уровня. Для проведения анализа нами были использованы интервью и статьи сотрудников городских, областных, федеральных органов исполнительной и законодательной власти (в том числе руководителей отделов социальной защиты населения), депутатов, представителей правоохранительных органов, опубликованные за период с 2002 года по 2005 год в Российской газете¹ и прозвучавшие в еженедельной передаче «Народ и власть» (радиоккомпания «Маяк») (всего 44 документа). Современный политический дискурс оказался достаточно разнородным. Мы выделили в нем три основных типа: дискурс социальной опасности, социального самооправдания и зарождающийся дискурс социального партнерства.

3.1. Дискурс социальной опасности (исключение и отчуждение): «Источник будущих сидельцев»

Этот далеко не новый, но достаточно часто встречающийся тип дискурса наиболее характерен для представителей силовых структур (хотя и не только для них). Образ ребенка-сироты в данном типе дискурса парадоксально не отличим от образа его сверстника 1920-х годов.

Дети-сироты, представляющие угрозу обществу (и в частности, общественному порядку), обозначаются в определениях депутатов Мосгордумы как «бродяжки», «беспризорники», «малолетние попрошайки», «воришки» [Федоринов, 2005]. А заместитель Генерального прокурора России называет их «армия безнадзорных детей», «уличные оборванцы», «беспризорная вольница», «подвальные бродяжки», «миллионная армия маленьких изгоев», «стая несовершеннолетних преступников», «бесприютная малолетняя часть общества» [Фридинский, 2005].

Чиновник уверен, что «миллионная армия маленьких изгоев уже сегодня представляет большую опасность для общества», ведь они «впитывают идеологию социального дна, где жестокость, насилие и протестное поведение становятся стилем жизни», и напоследок резюмирует: «Вот он – источник будущих сидельцев» [Фридинский, 2005]. И снова власть рисует нам знакомый образ беспризорных: они, конечно же «не местные», «не наши». Они «бомжуют», «приехали в Москву из других городов» и у них «нет документов». Портрет «представителей андеркласса» дополняется тем, что они «нигде не учатся, не умеют писать и читать». Они «могут получить базовые знания в приютах», но «особо к этому не стремятся» [Федоринов и др., 2005]. Однако, несмотря на неграмотность, они «участвуют во взрослых

¹ Условием включения текста статьи в базу анализируемых источников было установленное авторство высказывания, которое подтверждено либо подписью под статьей самого автора, либо его прямой речью в тексте статьи.

преступлениях: сутенерстве, притоносодержательстве, мошеннических действиях с валютой и ценными бумагами» [Шмелева и др., 2005].

Воспринимая детей-сирот как опасность и угрозу общественному устройству, чиновники рассуждают о возможных последствиях реализации этой угрозы: «Трудно и боязно даже представить, что будет еще через десять лет, когда вся эта стая несовершеннолетних преступников вырастет, окрепнет и осознает себя реальной физической силой. Кому в наследство мы готовимся передать страну?» [Фридинский, 2005].

Предлагаемые меры не новы: «сокращать приток», «выловить», «бороться», «направить на путь истинный». Делать это предлагается все тем же правоохранительным органам: «милиция пытается их (детей) выловить и направить на путь истинный. Милиция устраивает для неблагополучных подростков экскурсии по местам не столь отдаленным» [Федоринов и др., 2005]. Кроме мер надзорного характера данный тип дискурса иницирует и правовые: «ускорить принятие федерального закона “О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию”», внести некоторые изменения в Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях» [Шмелева и др., 2005].

Мы видим практически те же идеи, которые развивали носители дискурса социальной опасности в 1920-е годы и так же, как и тогда, возникает ощущение тупика и невозможности изменить ситуацию:

Только милиция сейчас занимается этими детьми. Ситуация как бы получается загнанная в тупик. То есть дети выявляются. Мы прикладываем всевозможные усилия, мы их подкармливаем, питаем, лечим, оказываем необходимое медикаментозное лечение, одеваем, но это проблему не решает... Основную массу детей мы вернули либо в детские учреждения, откуда они совершили уходы самовольные, либо в семьи. Тем не менее уже по прошествии некоторого времени часть этих детей опять попала к нам [Времена, 2002].

Видимо не случайно выразители идей исключения и отчуждения вспоминают именно опыт своих единомышленников 1920-х годов: «Наверное, есть смысл вспомнить былой опыт и возродить на ином качественном уровне «республику Шкид» [Фридинский, 2005]. Так в современной России предлагается реанимировать методы борьбы с беспризорностью начала века. В результате создается ощущение бессмысленности, тупика, растет пессимизм.

Наверняка не случайно то, что дискурс социальной опасности так популярен: ведь гораздо легче ужесточить режим наказания правонарушителей из низших слоев общества, нежели улучшить условия их жизни. Таким образом, дети, даже не совершив еще никакого проступка, оказываются стигматизированы дважды: первый раз как сироты, а второй – как потенциальные преступники.

3.2. Дискурс социального самооправдания (поиск виноватых): «жертвы нерадивых родителей»

Пожалуй, самый распространенный в современной России тип политического дискурса о сиротстве – дискурс социального самооправдания. Соглашаясь с тем, что сиротство представляет серьезную проблему, его носители ищут виноватых в сложившейся ситуации. При этом извечный вопрос «Кто виноват?» никак не может перейти к конструктивной стадии и пониманию «Что делать?». Чаще всего в проблемах сиротства обвиняются неблагополучные семьи. Мы назвали это дискурсом самооправдания, поскольку обвинение нерадивых родителей позволяет представителям власти снять с себя ответственность за неэффективные действия или бездействие и оправдать себя.

Этот тип дискурса в основном определяет детей-сирот через характеристики их родителей. Подчеркивается либо неблагополучие семьи, либо отсутствие должного отношения к детям со стороны родителей. Сироты предстают перед нами как «дети из неблагополучных семей» [Дмитриева, 2005], «дети нелегалов» [Фридинский, 2005], «безнадзорные, то есть дети при живых родителях» [Времена, 2002], «дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей» [Маркушева, 2005].

Сами дети при таком определении остаются в тени и не имеют выраженных характеристик, за исключением того негативного влияния, которое оказывает на них семейное неблагополучие. Они «страдают, подвергаются насилию со стороны родителей или опекунов» [Шмелева и др., 2005], «страдают от беспечности родителей» [Маркушева, 2005].

Зато этот тип дискурса самое пристальное внимание уделяет родителям детей-сирот, их семейным проблемам. Не подвергается сомнению тезис о том, что воспитание детей является прямой обязанностью их родителей, в то время как соответствующие институциональные структуры такой ответственности не несут. Напротив, они могут и должны спросить с таких родителей и привлечь их к ответственности в случае нарушения:

Я считаю, что одна из главных причин – это слишком мягкий спрос с родителей. В свое время вообще отменили статью «За тунеядство», потому что решили, что это нарушение прав человека: хочет человек – работает, хочет – не работает... Это стало первым стимулом для возникновения беспризорности. Родители не работают, многие посылают своих детей побирать... развратили целое поколение, и это развращенное поколение своих детей достойными людьми не вырастит [Слиска, 2002].

В центре внимания оказывается невыполнение или неадекватное выполнение родителями своих родительских ролей. Особо подчеркиваются негативные характеристики родителей, которые выступают не как социальные, а скорее как их личностные проблемы. Чаще всего речь идет о пьянстве, которое влечет за собой и другие пороки, например, лень и нежелание трудиться: «Основная причина – пьянство родителей. По этой же причине они

не задерживаются на работе, а затем и вовсе теряют желание что-либо делать» [Маркушева, 2005]. В категории нерадивых родителей оказываются не только пьющие, но и, например, малообеспеченные:

Другая категория семей – малообеспеченные. Около 2 000 семей, в которых воспитывается 2 895 детей, имеют доход менее 400 рублей на человека. У некоторых единственным доходом является детское пособие. Однако желания устроиться на работу, а в нашем городе, к счастью, такая возможность есть, чаще всего не имеют [Маркушева, 2005].

О причинах же, приводящих к пьянству, безработице и малообеспеченности, предпочитают умалчивать. Подобная трактовка напоминает концепцию андеркласса, в которой бедные сами оказываются виноватыми в своей бедности, поскольку не желают трудиться и не предпринимают достаточно усилий, чтобы выбраться из нищеты.

Поскольку родители оказываются такими недобросовестными, данный тип дискурса подчеркивает необходимость усиления социального контроля: «Их родители забыли, что есть такая обязанность – растить детей. И, что характерно, никакой ответственности за это они, как правило, не несут» [Фридинский, 2005].

Все чаще озвучиваются идеи ужесточения ответственности родителей за воспитание детей. Сегодня единственной действующей мерой остается лишение родительских прав, которое чаще всего означает для ребенка окончательный разрыв с семьей. Сторонники жестких методов признают, что эта мера далеко не всегда срабатывает, и даже напротив – «развязывает руки» таким родителям и потому предлагают привлекать их к административной и уголовной ответственности, считая лучшим средством воспитания исправительные работы, а то и тюремное заключение. Сотрудник прокуратуры Челябинской области сетует:

Прокуратура уже не раз выходила в Государственную Думу с предложением увеличить ответственность родителей за ненадлежащее исполнение обязанностей, жестокое обращение с детьми. 156-я статья Уголовного кодекса даже не предусматривает реальное заключение, а штраф с таких родителей, как правило, не возьмешь [Изотов, 2005].

В этой ситуации для ребенка остается только одна надежда – государственное попечение: «Мы не можем оставить ребенка в семье, где ему жить опасно, и не оставим! И если взяли на себя миссию его обеспечения, то должны это делать, и делаем сегодня достойно» [Маркушева, 2005].

В то же время этот тип дискурса имеет конструктивную составляющую, поскольку способен инициировать профилактическую работу с семьями, в которых возникает риск детской безнадзорности. Но нет полной уверенности в том, что эта профилактика будет осуществляться в форме социальной поддержки, а не приведет к ужесточению социального контроля и проявлению исключения уже по отношению к проблемным семьям.

3.3. Дискурс социального партнерства (интеграция общества в решение проблем детей-сирот)

Этот тип дискурса не столь широко распространен, как проанализированные выше. Он, по-видимому, только выделяется из дискурса самооправдания вследствие осознания неэффективности лишь обвинения неблагополучных семей. Интересно, что его носителями являются представители именно муниципальных, а не федеральных органов власти, в повседневной деятельности которых важное место занимает решение проблем детей-сирот.

Дискурс социального партнерства представляет собой новую попытку ответить на вопрос «Что делать?». Он тоже признает существование проблемы семейного неблагополучия, однако предлагает другой путь ее решения: не усиление социального контроля, а оказание социальной помощи и поддержки не только со стороны государственных структур, но и профессиональных объединений, общественных организаций, СМИ. Таким образом решение проблем детей-сирот представляется как некое коллективное действие, предполагающее интеграцию различных сил общества и государства.

Данный тип дискурса описывает «детей-сирот» и «детей из неблагополучных семей» отнюдь не как объект социальной помощи, а скорее как самостоятельных субъектов, при этом акцентирована не только их социальная полезность, как это мы видели в соответствующем типе дискурса власти 20-х годов, но и субъектность, личностная самооценочность. Дети «занимаются благоустройством территории, на которой они живут»; в приютах «созданы хорошие цветники, посажены кустарники, деревья, за чем и ухаживают сами дети»:

Систематическое участие в труде вместе со сверстниками и взрослыми помогает детям установить тесные контакты с другими детьми, формирует навыки делового общения, творческой взаимопомощи и ответственности [Дмитриева, 2005].

О родителях этих детей тоже известно, что они «не работали, многие не имели постоянного места жительства, что затрудняло их розыск» [Дмитриева, 2005]. Однако эта трактовка приводит не к обвинению неблагополучных семей, а к пониманию и осмыслению их проблемы как социальной, ответственность за которую нельзя возлагать исключительно на сами проблемные семьи:

Нет в обществе благополучной основы для того, чтобы в семье рождались дети, чтобы они были любимы и имели достаток. Мы говорим – «средний слой». Но ведь его нижняя и верхняя границы так далеко друг от друга, что нижний скорее относится к нищим. Отец с матерью заняты поисками куска хлеба, а не воспитанием. Отсюда и безнадзорность. Задача общества – воспитывать детей не в казенных домах, а в семьях [Степура, 2004].

Этот тип дискурса признает существование социального неравенства и рассматривает сиротство как его следствие. Это проблема всего общества, «проблема всей России» [Госдума... 2002]. Принятие на себя ответственности за проблему сиротства ведет к предложению новых путей ее решения. Поскольку общество и государство наравне с родителями объявляются ответственными за детей, то и решение предполагает объединение усилий всех сторон.

Особая роль в профилактике социального сиротства отводится общественным организациям и объединениям, как важнейшим структурам гражданского общества. Создаваемые при интернатных учреждениях общественные ассоциации родителей и педагогов, попечительские советы, ассоциации выпускников, объединения инвалидов, основными направлениями деятельности которых являются работа с родителями и с детьми, с дезадаптированными семьями, социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями, способны работать эффективно именно потому, что здесь объединяют усилия как государственный, так и негосударственный сектора общества. И порой общественные организации могут решить те вопросы, которые не решаются государственными структурами:

Организации в своем развитии достигли того уровня, когда они способны не только влиять на общественное мнение, но и самостоятельно решать отдельные социальные проблемы, в частности проблему социального сиротства [Сырямкина, 2005].

Но не только общественные организации могут играть важную роль в решении проблем сиротства, также «в последнее время в сторону профилактики социального сиротства повернулись объединения профессионалов» [Сырямкина, 2005], «работать в данном направлении нам помогают СМИ» [Дмитриева, 2005]. Большое значение в данном типе дискурса отводится сотрудничеству всех сторон. Подчеркивается важная роль социального партнерства как в разработке социальных программ, так и в решении социальных проблем, оказании социальных услуг клиентам. Властным структурам же в данном типе дискурса отводится ответственная роль координатора, направляющего совместные усилия сторон:

Власть не могла не заметить этот серьезный общественный потенциал в решении социальных городских проблем и приняла ряд нормативных документов, направленных на развитие, поддержку и использование этого потенциала в социальной сфере... Социальное партнерство власти с общественными организациями позволяет эффективно решать острые социальные проблемы при недостаточности собственных сил и средств [Сырямкина, 2005].

Итак, анализ современного политического дискурса о сиротстве позволяет выделить три его типа: дискурс социальной опасности, социального самооправдания и социальной интеграции. Дискурс социальной

опасности влечет за собой исключение детей-сирот из общества. Дискурс социального самооправдания рассматривает детей как жертв нерадивых родителей и обвиняет неблагополучную семью. Он может способствовать как усилению профилактической работы с родителями, так и вести к ужесточению социального контроля и исключению самих неблагополучных семей. Зарождающийся дискурс социальной интеграции появляется вследствие осознания неэффективности обвинения семьи, поскольку лишение родительских прав приводит лишь к деградации семьи, но не к ее восстановлению, и рассматривает сиротство как проблему общества в целом. Ребенок предстает с точки зрения этого дискурса как активная развивающаяся личность, а решение проблемы социального сиротства видится в интеграции всего общества, в сотрудничестве государственных структур, общественных организаций, профессиональных объединений, СМИ.

Необходимо отметить, что наиболее распространенными из всех трех типов современного политического дискурса о сиротстве в настоящее время являются дискурсы социальной опасности и социального самооправдания, не способствующие успешной интеграции детей-сирот в общество. Об уменьшении социального исключения и включении детей-сирот в общество можно будет говорить лишь тогда, когда укрепится дискурс социальной интеграции и в дискурсивном пространстве получит приоритет идея общей ответственности в ее конструктивном выражении.

4. Выводы

Таким образом, мы можем видеть различные образы детей-сирот и, соответственно, различное отношение к ним, проявляемое в разное время в различных политических дискурсах. Можно заметить изменение понятийных характеристик детей-сирот в зависимости от типа политического дискурса. Так, дискурс социальной опасности определяет их как «малолетних преступников», «дефективных», «преступный элемент», тогда как дискурс социального участия акцентирует внимание на том, что они «беспризорные», «голодные и оставленные без крова», «раздетые», «босые», а дискурс социальной полезности предполагает, что это «дети», «подростки», «мальчики и девочки», «ребята».

В зависимости от типа дискурса одни и те же дети приобретают разные черты. Если дискурс социальной опасности обвиняет их в том, что они «увеличивают преступный контингент», «получают свое пропитание исключительно от правонарушений», «представляют опасность как разносчики эпидемии», дискурс социального участия призывает пожалеть детей, которые «лишились родителей», «кочуют под открытым небом в зловонных подвалах», «заражаются туберкулезом», то дискурс социальной полезности указывает на те их действия, которые могут принести

пользу обществу: они «проходят обучение», «получают профессиональную подготовку», «заняты трудом», «вырабатывают пролетарскую психологию».

Соответственно, каждый тип дискурса по-своему определяет те действия, которые следует предпринимать власти в решении проблемы сиротства. Например, дискурс социальной опасности предписывает «привлекать к ответственности», «наказывать народными судами», «задерживать», «направлять в милицейские участки», «изолировать», а дискурс социального самооправдания предлагает «установить жесткую политику в отношении семей, в которых дети не получают необходимого развития», «проводить воспитательную работу с родителями административными методами», «лишать родительских прав».

Изменения дискурсов ведут, в свою очередь, к изменению практик социальной заботы о сиротах. Так, в связи с распространением дискурса социального участия, направленного на помощь несчастным и больным детям, наибольшее значение в практиках интернатного учреждения приобретают те, которые призваны обеспечить заботу о здоровье воспитанников. Борьба с грязью (беспорядком) рассматривается как необходимый компонент борьбы с беспризорностью, действует лозунг «В здоровом теле – здоровый дух!», в отчетных документах 20-х годов нередко можно встретить подробные сведения о санитарном состоянии детских учреждений, а гигиеническим практикам отводится важное место в распорядке дня воспитанников.

Становление дискурса социальной полезности, в рамках которого ребенок начинает восприниматься как полезный член общества, по-новому составляет акценты в практиках заботы: теперь важнее бытовых условий и гигиены становится труд воспитанников и включение интернатного учреждения в жизнь «большого общества». Труд воспитанников становится более значимым, чем школьное обучение, и если грамоте обучаются не все дети, то трудиться должны все. Труд является средством воспитания личности, подготовки к взрослой жизни, самое пристальное внимание уделяется профессиональному обучению.

Не поддающиеся перевоспитанию получают клеймо «трудновоспитуемого», для них начинают создаваться специальные учреждения. Интересно, что как раз в это время властный дискурс уходит от определения сироты как опасности и угрозы и нарастает дискурс социальной полезности. Возможно, в данном случае изоляция трудновоспитуемых стала «переходной практикой», которая находится на пересечении обоих типов дискурса и рассматривает исключение и отчуждение трудновоспитуемых как необходимый шаг для оптимизации использования остальных как социального ресурса.

В это же время в учреждениях появляется детская организация (детское самоуправление), устанавливаются связи со школами, предприятиями, пар-

тийными и профсоюзными организациями. Общество становится более заинтересованным в том, что происходит в стенах детских учреждений и это проявляется в практиках контроля со стороны граждан за ситуацией в детских домах. Активные общественники по собственной инициативе или по решению трудовых коллективов, посещали детские дома и информировали компетентные органы о «ненормальностях».

Влияние дискурсивных практик на жизненные реалии интернатных учреждений можно обнаружить и сегодня. Учреждения для детей-сирот во многом остаются сегодня закрытой для общественного контроля зоной, продолжая традиции, заложенные еще в 70-х годах. Однако ситуация постепенно изменяется в лучшую сторону, когда происходит взаимодействие с правозащитными общественными организациями, добровольными объединениями граждан, что отражает и способствует становлению дискурса социального партнерства. И сегодня неправительственные организации по правам человека борются за то, чтобы детские учреждения стали прозрачными для общества, а ситуация в отдельных детских учреждениях часто становится темой для широких общественных дискуссий и публикаций в СМИ.

В табл. 1 нашла отражение динамика политического дискурса о сиротстве. Изменение дискурсов во времени обнаруживает, как меняются возможности интеграции в общество детей-сирот.

Удивительно стойким оказался дискурс социальной опасности, ведущий к социальному исключению детей-сирот и рассматривающий их как угрозу стабильности и правопорядку в обществе. Сравнивая дискурс социальной опасности в 20-е годы и в наши дни, можно заметить, что они практически не отличаются друг от друга, однако теперь предлагаются не только силовые, но и законодательные меры решения проблемы.

«Промежуточными» по степени исключения / включения в послереволюционный период оказались дискурс социального участия и дискурс социальной ответственности, не имеющие полного аналога в современности. В то же время в 20-е годы практически не появляется современный образ сироты как жертвы нерадивых родителей.

Наиболее позитивными с точки зрения интеграции детей-сирот в общество в разное время оказались три очень разных типа дискурса: в основе дискурса социальной полезности (1920–1926 годы) лежит представление о том, что дети-сироты должны быть включены в общество, поскольку могут стать его полезными членами; дискурс социального единения (1941–1946 годы) рассматривает помощь детям-сиротам как общезначимое, патриотическое дело, долг не только перед их родителями, но и перед Родиной, а дискурс социального партнерства (2003–2006 годы) видит роль детей-сирот в том, что необходимость разрешения проблемы сиротства должна послужить отправной точкой к интеграции всего российского общества.

Таблица 1

**Динамика политического дискурса о сиротстве:
с 20-х годов XX века до наших дней**

1920–1926 годы		1941–1946 годы		2003–2006 годы	
Типы дискурса	Отношение к детям-сиротам	Типы дискурса	Отношение к детям-сиротам	Типы дискурса	Отношение к детям-сиротам
Дискурс социальной опасности	Исключение и отчуждение			Дискурс социальной опасности	Исключение и отчуждение
Дискурс социального участия	Признание ущерба и жалость			Дискурс социального самооправдания	Поиск виноватых
Дискурс социальной ответственности	Дети-сироты как объект оказания помощи				
Дискурс социальной полезности	Интеграция детей-сирот в общество	Дискурс социального единения	Советский народ – одна семья, сироты – дети всего народа	Дискурс социального партнерства	Интеграция общества в решении проблем детей-сирот

↑
Включение
↓
Исключение

Таким образом, если в период Великой Отечественной войны единственный поддерживаемый властью тип дискурса способствовал социальной интеграции детей-сирот, то и в послереволюционный, и в современный период дискурсивное пространство оказалось значительно более вариативно. Однако в данном случае оказывается, что монодискурсивность – это не так уж плохо, а множественность дискурсов вовсе не означает, что все они будут способствовать социальной интеграции детей-сирот. Не менее важна динамика дискурсов: какой тип получает перевес в дискурсивном пространстве, а какой – теряет свои позиции. Ведь в конечном счете этот процесс происходит под воздействием новых социальных практик.

В этой связи сегодня у дискурса социального партнерства есть большие перспективы. Будучи включен в более широкий дискурс гражданского общества, он инициирует развитие его институтов в процессе решения конкретной социальной проблемы (детского сиротства). И, возможно, именно помощь детям-сиротам может стать сегодня идеей, способной объединить россиян.

Список литературы

Абдурахманов А. Семьям защитников Родины – нашу заботу и внимание // Известия. 1943. № 85. 11 апр.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Времена. Телевизионная программа В. Познера. ОРТ. 2002. 10 марта. 18:00.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Госдума обсуждает меры государственной поддержки детей-сирот // Репортаж с парламентских слушаний Государственной Думы в прямом эфире радиостанции «Маяк» 07.10.2002. Вебсайт радиокompании «Маяк»: <http://www.radiomayak.ru>.

Дмитриева В. Создание условий для совместного решения проблем // В повестке дня социальное сиротство: «дети улиц» на страницах региональных газет. Библиотека вебсайта НКО: <http://www.inguk.ru/biblio/siroti> (15.11.2005).

Зудин А. Ю. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита // Мир России. 2002. № 3.

Известия. 1943. № 20. 26 янв.

Известия. 1943. № 85. 11 апр.

Известия. 1943. № 191. 14 авг.

Известия. 1943. № 141. 17 июня.

Известия. 1943. № 171. 22 июня.

Известия. 1943. № 197. 21 авг.

Известия. 1943. № 203. 28 авг.

Известия. 1943. № 237. 7 окт.

Известия. 1943. № 282. 30 нояб.

Известия. 1944. № 84. 28 апр.

Известия. 1944. № 242. 13 окт.

Известия. 1944. № 282. 30 нояб.

Известия. 1945. № 86. 12 апр.

Известия. 1946. № 23. 26 янв.

Изотов И. Я пришла отказаться от мамы // Российская газета. 2005. 21 окт.

Кавская Н. Возвращенное детство // Известия. 1943. 21 авг.

Маркушева В. Сироты при живых родителях // В повестке дня социальное сиротство: «дети улиц» на страницах региональных газет. Библиотека вебсайта НКО: <http://www.inguk.ru/biblio/siroti> (15.11.2005).

Молот. 1944. № 8. 10 янв.

Молот. 1944. № 69. 7 апр.

Молот. 1944. № 70. 8 апр.

Молот. 1944. № 79. 21 апр.

Молот. 1944. № 84. 28 апр.

Слиска Л. Будущее поколение нужно воспитывать уже сегодня // Интервью в прямом эфире радиостанции «Маяк» в передаче «Народ и власть» 29.01.2002. Вебсайт радиокompании «Маяк»: <http://www.radiomayak.ru>.

Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск, 2003.

Степура И. Граждане улицы: Их судьбой занимаются все и никто // Российская газета. 2004. 23 дек.

Сырымкина Е. Социальное партнерство власти и общественных организаций в решении проблем профилактики сиротства // В повестке дня социальное сиротство: «дети улиц» на страницах региональных газет. Библиотека вебсайта НКО: <http://www.inguk.ru/biblio/siroti> (15.11.2005).

Федоринов Е., Домчева Е., Рузанова Н., Добрынина С., Кривошапко Ю. Мимо школы: Тысячи детей в столице не пошли учиться 1 сентября // Российская газета. 2005. 6 сент.

Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2004.

Фридинский С. Уголовный возраст. Генпрокуратура предлагает создать федеральную службу и сеть трудовых гимназий для ликвидации беспризорщины // Российская газета. 2005. 12 апр.

Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.

Шмелева Е., Минабутдинов С. От насилия к игле: В России увеличилось количество неблагополучных детей // Российская газета. 2005. 2 июня.

Маргарита Сергеевна Астоянц
канд. социол. наук, докторант кафедры социологии и политологии
Ростовского государственного педагогического университета
электронная почта: astoyancms@yandex.ru
